

«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает «Однажды...»

Однажды в машине...

Моя мама с раннего детства учила меня хорошим манерам, этикету за столом, правильному поведению. Она называла меня своей принцессой и всегда старалась окружить заботой и теплом. Отца я почти не помню. Родители развелись, когда мне было четыре года. На все вопросы: «Где мой папа?», мама отвечала, что он в дальнем плавании и вернется не скоро. Но, став старше, я упросила маму рассказать про историю их любви, в которой была страсть: сначала друг к другу, потом у отца к алкоголю, ну а после к другим женщинам. Частые запои мама прощала, а измену простить не смогла. После развода отец видеться со мной отказался, деньгами почти не помогал. Тех алиментов, что он уплачивал по исполнительному листу, хватало лишь на мои разноцветные колготки.

Мир «принцессы» формировался с помощью книг о чудесах и волшебстве, принцах и замках. Когда мне исполнилось пятнадцать, я влюбилась в юношу из соседнего двора. Он действительно был похож на принца из моих снов. Голубоглазый блондин по имени Рудольф вскоре обратил на меня внимание и предложил встречаться. Все было словно в сказке. Родители Рудольфа быстро подружились с моей мамой, в доме возлюбленного со мной обращались как с родной дочерью. Через несколько лет мы сыграли красивую свадьбу. Эскиз моего свадебного платья мама рисовала сама. На празднике рождения новой семьи я действительно была похожа на принцессу.

После свадьбы родители Рудольфа помогли нам получить общежитие в доме коридорного типа. Наше гнездышко состояло из крохотных комнатки, кухоньки и туалета, в котором молодой супруг позже установил душ. На дворец наше жилье было вовсе не похоже, но мы были счастливы в этом уютном мире, наполненном любовью и нежностью.

Наша скороспелая семья не стала препятствием для получения высшего образования. Но из-за декретного отпуска учиться мне пришлось на три года дольше положенного срока. Рудольф закончил юридический факультет, я получила диплом финансиста. Плод нашей любви появился на свет, когда мне исполнилось двадцать лет. Румяный

красивый Егорик, стал центром внимания всей нашей дружной семьи.

Когда сыночек пошел в детский сад, мы смогли получить в том же общежитии большую, по нашим меркам, квартиру. В ней были две «огромные» комнаты и настоящая ванная с туалетом. Чтобы сделать сыночку полноценную спальню, кухню мы разместили в коридоре.

Домашний быт не съедал нашу любовь, но после десяти лет совместной жизни страсть превратилась в теплые отношения, тоска друг по другу – в привычку всегда быть рядом. Супруг безуспешно пытался сделать карьеру в судебной системе, я работала операционистом в центральном банке. Мечты о замке давно рассеялись, путешествия по белу свету ограничились поездками на природу за город либо посещениями дачи родителей Рудольфа. Дни были похожи один на другой, мы больше не встречали рассветы в объятиях друг друга, ночью не просыпались от счастья, никогда всерьез не ссорились, стали обыкновенной среднестатистической семьей. Но однажды все изменилось...

В эпоху глобальных перемен в нашей стране банковская система стала меняться до неузнаваемости. Появились коммерческие банки. Поскольку тогда на банкиров не учили, в штат набирали специалистов, имеющих опыт работы в данной сфере. Мне предложили работу, связанную с кредитованием предпринимателей, так называемых новых русских. За терпеливость и трудолюбие мне платили щедрые премиальные. Через полгода судьба улыбнулась моему мужу и его пригласили работать во вновь созданный арбитражный суд. Почти сразу мы забыли о безденежье, отдали все долги родителям, купили роскошную трехкомнатную квартиру в новом доме, шикарную машину, впервые в жизни слетали на отдых в Болгарию. Чем больше мы работали, тем больше зарабатывали денег, но практически перестали проводить время вместе. Когда Рудольф успешно прошел аттестацию судьи, мы встречались лишь по ночам, но хроническая усталость и бесконечное напряжение не раскрашивали часы наших встреч в оттенки любви.

Егорик рос послушным мальчиком, нежным сыном. К пятнадцати годам он с легкостью мог приготовить нам с папой ужин, держал дом в чистоте, поэтому отказа ни в чем не знал, был одет с иголочки, в распоряжении имел все новинки технического прогресса. Понимая, что мальчик скоро вырастет и выпорхнет из нашего гнезда, видя, что Рудольфа вечно не бывает дома, я захотела родить второго ребеночка. Услышав мое желание, муж пришел в ярость. Всегда спокойный уравновешенный мужчина в одночасье превратился в истеричного орущего незнакомца. Я пыталась отшутиться,

успокоить мужа, но он не унимался, говорил, что у него нет времени заниматься пеленками и соплями, что на носу сложный процесс и некогда думать о детях, тем более в моем возрасте. Последние слова меня ранили: в свои тридцать семь я выглядела намного моложе своих сверстниц, всегда держала себя в форме, вовремя нашла отличного косметолога. Думала, что муж ценит мои усилия. Но оказалось, для сорокалетнего мужчины я была старухой. Обида защемила сердце, слезы невольно потекли из глаз. Муж внезапно остановился, извинился и успокоился. Ту ночь мы провели в нежности и любви. Через три недели я узнала, что беременна...

Муж обвинил меня в обмане и потребовал сделать аборт. Его ультиматум звучал словно приговор: «Или я, или ребенок». Мне было страшно потерять мужчину, каждую клеточку которого я знала и любила. Рудольф со временем потерял свою юношескую привлекательность, голова была наполовину седой, в глазах не было былого блеска, но возраст его вовсе не портил. Выбор был очевиден, мне пришлось избавиться от беременности, которая была не нужна мужу. Все прошло с осложнениями, мне пришлось еще очень долго восстанавливаться, месяц пролежала в больнице. Обеды мне носил только Егорик. В его карих огромных глазах я впервые увидела страх меня потерять. Он так нежно обнимал меня и все время говорил, что дом без меня опустел. Я прижимала своего долговязенького худенького мальчишечку и говорила, что скоро все будет как всегда. Но моим словам не суждено было сбыться...

После выпускного школьного бала Егорика Рудольф объявил, что уходит от меня к молодой секретарше. Я не могла поверить своим ушам. Иногда я подозревала, что мой муж погуливает от меня, но его увлеченности быстро проходили, он всегда возвращался домой. Я решила выяснить причину столь решительного шага. После долгих разговоров муж признался, что уже год находится в отношениях с той девушкой, которая теперь от него ждет ребенка...

Никогда прежде мне не было так больно. Его слова, словно нож, пронзили мое сердце, ведь я убила свое дитя ради человека, который уже тогда крутил роман с другой девицей и не собирался встретить старость со мной. Рудольф попытался прикоснуться ко мне, но мне было противно даже смотреть на него. Я влепила пощечину и потребовала исчезнуть из моей жизни. Егорик и родня приняли мою сторону и отказались общаться с ним, хотя я никогда не требовала такого резкого разрыва. Так мы остались с Егориком вдвоем.

Мне было невыносимо больно, словно я лежала под огромной бетонной плитой, навалившейся на меня после землетрясения, и никак не могла выбраться из этого плена.

Мама пыталась поддержать меня, но сама знала, что этот моральный удар жизни нужно просто пережить. Прошел целый год, прежде чем я снова начала улыбаться.

Егорик был всегда рядом, но я стала замечать, что мой мальчик сильно изменился, активно стал заниматься спортом, следить за своей кожей лица. После недолгих расспросов он признался, что влюблен. Теперь наступила моя пора знакомиться с будущей невесткой. Девушку Егорика звали Юля. Маленькая хрупкая девочка могла легко поместиться подмышкой моего возмужавшего сына. Она была приятной в общении, миловидной на мордашку, из простой скромной семьи преподавателей художественной школы. Юля мне чрезвычайно понравилась, она смогла очаровать и нашу родню. Молодые не говорили о свадьбе, но я понимала, что уже нужно было решать вопрос покупки квартиры. К своему сорокалетию я успешно руководила дополнительным офисом одного из крупнейших банков и могла позволить себе купить сыну жилье, но я решила поговорить с Рудольфом, чтобы предложить поучаствовать в сделке, хотя в душе понимала, что не имею на это право, ведь после развода все наше имущество он оставил нам с сыном. Но, вспомнив о его жестоком предательстве, все же решила немного «тряхнуть» молодого папашу, нужно было напомнить ему о существовании старшего ребенка, ведь за учебу в университете Рудольф платить отказался.

Мы встретились в кафе, рядом с арбитражным судом, где Рудольф уже занимал должность председателя. Я следила за его успехами, знала, что у него родилась дочка, но в брак он так и не вступил, слышала, что помирился со своими родителями, моей маме часто дарил цветы, только Егорик не смог простить отца. Все мои разговоры, что отношения взрослых не должны влиять на детей, были для него пустыми. Рудольф встретил меня с букетом моих любимых желтых тюльпанов. Мне было приятно, что он помнил о моих пристрастиях и радостно на душе из-за суеты, ведь за окном зима и, чтобы найти тюльпаны в такое время, нужно было сильно постараться. Мы начали разговор, будто вовсе не расставались, он много шутил, говорил комплименты, отметил мое преображение. Мы выпили вина, Рудольф вдруг предложил начать все сначала, стал говорить, что несчастлив со своей девушкой, устает от бесконечного детского шума, мечтает вернуться в нашу общагу, чтобы пить невкусный растворимый кофе из одной кружки. Мое сердце дрогнуло, но наш разговор прервал телефонный звонок. В трубке был слышен писклявый женский голос, который требовал уточнения местоположения Рудольфа. Он смутился, стал врать, что на совещании и сбросил звонок. Мне вдруг стало противно оттого, что когда-то он врал мне, улетаая от неземной страсти с другой женщиной, теперь врет ей, находясь со мной. Я поблагодарила за цветы, сказала, что очень занята, выскочила из кафе. Свернув за угол, я замедлила шаг, выбросила цветы в урну и отправилась в сторону своего офиса.

Вдруг дорогу мне преградил высокий молодой красивый парень. Он широко и красиво

улыбался и поздоровался со мной. Приклеив по обыкновению улыбку, я ответила приветствием и постаралась освободиться от внимания мужчины. Он назвал меня по имени-отчеству, спросил, помню ли я его. Внимательно вглядываясь в его зеленые красивые глаза, я вдруг вспомнила, кто передо мной. «Чехов», – засмеялась я. Мужчина смутился: «Какой Чехов?» «Вы Антон Павлович, верно?» «Да!» – радостно ответил мужчина. «Значит, Чехов», – снова засмеялась я. «Но моя фамилия Пирогов». «Две знаменитости в одном лице», – подытожила я и объяснила, что так запоминаю клиентов банка по сочетанию имени и отчества, потом напомнила о фирме, которую «Чехов» возглавлял, количестве банковских счетов, кредитной истории и прочей деловой информации. Антон Павлович смотрел на меня, не отрывая глаз, будто я наизусть читала «Евгения Онегина». Когда мой монолог был завершен, Антон Павлович воскликнул: «Принцесса». Эта так мило звучало из его уст, что я даже смутилась. Богатый предприниматель предложил поужинать, я отказалась, но мужчина не сдавался и уверял, что будет вести себя прилично, в ответ я улыбнулась и сказала: «Зато я себя буду вести неприлично», и, махнув рукой на прощанье, ушла...

Целый год Антон добивался моей любви и еще год, прежде чем в ответ на предложение руки и сердца услышал: «ДА». Любовь этого горячего мужчины, который был моложе меня на десять лет, обжигала, дурманила, сводила с ума. Он прикасался к моей руке, от возбуждения я теряла сознание. Этот союз осудили все, кроме Егорика. Он сам любил, был счастлив с Юлей. Молодым я подарила хорошую квартиру. Рудольф на свадьбе вручил сыну ключи от машины. Сынок всегда поддерживал меня, видя мои горящие глаза, радовался моему счастью. Родители Антона были старше меня на двенадцать лет, они противились нашему союзу, на свадьбу даже не пришли. Убеждали, что Антону нужна молодая женщина, способная родить внуков, но мой Антошка твердил одно – что без меня не может и не хочет жить. Вскоре он и сам заговорил о детях.

В свои сорок три года я обожала нянчиться с принцессой, подаренной мне детьми, но снова становиться матерью была не готова. Малюточку внучечку назвали Настенькой. Она появилась на свет через год после свадьбы Егорика и Юли. Хорошенькая пухленькая голубоглазая куколка была похожа на своего деда Рудольфа. Она всех нас окончательно примирила.

Разговоры о детях продолжались ежедневно. Антон клялся, что будет хорошим отцом, что никогда меня не предаст, будет носить нас всех на руках. Я долго думала, прежде чем принять это рискованное решение, но потом сдалась, предупредив, что если когда-нибудь узнаю об измене, оставлю малыша Антону и уеду жить в другой город. Он радовался моему решению как ребенок, которому купили долгожданную игрушку. Услышав мое предупреждение, махнул рукой и сказал, что в нем не нуждается, поскольку преданней человека мне не найти. Понадобилось несколько месяцев, прежде

чем на заветном тесте появились две полосочки.

Беременность протекала очень тяжело. Жуткий токсикоз, постоянная угроза выкидыша, бессонница, отеки, перепады настроения были моими спутниками все девять месяцев. В роды меня не пустили, сделали кесарево сечение. В назначенный день на свет появился наш долгожданный Андрюшка. Несмотря на то, что отец у Егорика был другим, мой младший сынок был невероятно похож на своего брата. Антошка действительно оказался очень заботливым отцом. Сам вставал ночью к малышу. Бегал по магазинам с целью купить все самое лучшее для него. После родов я почувствовала, как сильно постарела за это время. Швы заживали мучительно больно и долго, постоянный недосып изматывал. Рестораны, клубная жизнь, спонтанный сумасшедший секс ушли далеко в прошлое. Но теплые румяные щечки нашего малыша, пахнущие молочком, придавали уверенность, что решение родить ребенка было правильным.

Родители Антона поменяли холодность в своих отношениях ко мне на теплоту, благодарили за внука. Со временем я стала замечать прохладцу со стороны молодого папаши. Он все чаще стал задерживаться на работе, приходит домой подшофе, ездить в командировки. С Андрюшкой он был всегда приветлив, часто играл с ним, но я в его глазах уже не была той недоступной, но такой желанной принцессой, которую он однажды встретил в банке.

Я понимала, что наш союз начинает рушиться. Когда нашему сыну исполнилось три года, Антон пошел вразнос: начались пьянки, гулянки, безудержное веселье. Даже спать мы стали раздельно. Однажды он исчез на несколько дней. Вечером второго дня я оставила Андрюшку у родителей Антона и отправилась к нему в офис. На заднем дворе здания я увидела его машину, облегченно вздохнула, поскольку знала, что иногда он выпивший садится за руль. Вышла из своей машины и подошла поближе. Услышав женские стоны, я решила открыть дверь, где застала своего «благоверного» с какой-то молодой девицей. Обнаженные тела без слов указывали на род их занятий. Захлопнув дверь машины, в шоковом состоянии я села в свою машину и поехала к маме. Я почти не плакала, в глубине души знала, что когда-нибудь это должно было случиться. Мама спросила, что я буду делать. Недолго думая, я ответила, что попрошу перевод в офис банка другого города. Она не поверила. Сказала, что я мать и не могу это сделать. В ответ я вспомнила своего папашу, который пил, гулял и плевать хотел на меня. Почему я не могу сделать точно так же, тем более я предупреждала своего мужа о последствиях. Мама просила предупредить, но я давно уже все решила.

Антон все время обижался, что у нас в стране есть официальный праздник,

посвященный Дню матери, а вот дня отца так и не придумали. Теперь у него была возможность ею стать. Я собрала вещи, отозвала свое заявление о декрете, попросила срочный перевод, чем спасла свою коллегу, которая не хотела переезжать в другой город, и уехала туда, где должна была забыть всю эту историю.

Антон сначала не поверил, что я уехала, думал, прячусь у мамы, чтобы пережить обиды, но когда его родители сказали, что Андрюшка до сих пор живет у них, изменник заволновался. Теперь у него тоже началась новая жизнь, наполненная детскими горшками, садиком, вредными няньками, готовкой, уборкой и прочей малоинтересной нудной бытовухой. Вскоре у Антона началась паника, он метался от Егорика к маме и все же выпросил у них мой номер телефона. Сначала я хотела заблокировать его номер, но после решила послушать, что он скажет. Забыв про свое предательство, он стал кричать на меня и требовать, чтобы я вернулась, потом стал давить на жалость рассказами про Андрюшку, который без меня отказывался спать, потом сник и начал извиняться за свои поступки. Он уверял, что не собирался спать с этой девушкой, она сама залезла в его брюки. Я посмеялась, пожалела бедного изнасилованного мужчину и ответила, что домой больше не вернусь никогда...

Каждый день начинался с того, что меня уговаривали передумать: мама, Антон, родители Антона, даже Рудольф, только Егорик подбадривал меня и рассказывал, как растет его Настенька и мой Андрюшка. Через полгода уговоры прекратились. Антон стал писать совершенно другие сообщения о том, как устал, как тяжелы бывают хлопоты по дому, как в его жизни, кроме сына и работы, ничего не осталось, как по-прежнему любит меня и мечтает вернуть не для кастрюль, а для нежных объятий по ночам.

Через год я совсем затосковала, ухаживания мужчин моего возраста меня не радовали. На свиданиях они все время говорили о бывших женах, неблагодарных детях, начинающих болячках. Я вспоминала наши встречи с Антоном, его горячие объятия, красивое тело, страстные поцелуи, ночные прогулки с шампанским, потом смотрела на собеседников и старалась поскорей завершить ужин. Я понимала, что сама толкнула Антона в объятия другой женщины. Мой замотанный уставший вид кого хочешь охладит. Зная темперамент моего возлюбленного, мне нужно было больше уделять ему времени, но свою вторую семью я сделала такой же скучной, что и прежнюю. Находясь в постели с молодым мужчиной, мне нельзя было расслабляться и делать вид, что все в порядке. Когда я поняла, что сама виновата в разрыве, решила изменить себя. Я стала ходить в спортзал, сделала операцию по омоложению груди, поменяла имидж, но стала переживать о том, захочет ли Антон снова жить со мной. Мы, как и прежде, очень нежно говорили о нашем сыне, но других разговоров не вели. Единственным помощником в этом вопросе был Егорик. Мой взрослый сын, не задумываясь, сказал, что меня ждут все, особенно муж, который выглядит как побитая собака. Женщины вокруг

него больше не крутились. Видимо, он отпугивал их постоянными разговорами о своем замечательном сыне Андрюшке. Встречаясь с моим старшим сыном, Антон все время твердил, что он сам дурак, который не научился ценить и хранить любовь и женщину, подарившую с риском для жизни такого прекрасного сына, но если бы у него был бы шанс все исправить, непременно воспользовался им. Когда полуторагодовалый контракт закончился, я вернулась домой...

Меня встречали все, даже родители Рудольфа. Мой сладкий Андрюшка вырвал рученьку из руки отца и с криком «мама!» кинулся в мои объятия. За это время он сильно подрос, я целовала его щечки и плакала. Следом прибежала внучка Настенька и Егорик. Когда я со всеми перецеловалась, подошла к Антону. «Привет, мой Чехов», – сказала я. «Привет, моя беглянка», – ответил он и нежно поцеловал меня.

Нам предстояло о многом поговорить, объяснить и простить самих себя за ошибки и расставание, но главное было ясно, что жить друг без друга мы уже не сумеем. На красивую сказку из книг история моей жизни не была похожа, но для чудес в ней было место, потому как любовь и есть самое главное волшебство, которое не всегда и не всем получается сохранить. Без клятв и обещаний мы снова решили сохранить то волшебство, которое было нам подарено Судьбой.

Ариша ЗИМА